

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Гилемшин Ф.Ф., Арзамазов А.А. Лингвокультурные преобразования при переводе текстов кынса на татарский язык // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77132 EDN: UQQWEY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77132

Лингвокультурные преобразования при переводе текстов кынса на татарский язык

Гилемшин Флер Фаатович

ORCID: 0000-0003-1957-5042

доктор филологических наук

доцент; институт международных отношений, истории и востоковедения; Казанский (Приволжский) федеральный университет
главный научный сотрудник; Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ; Академия наук Республики Татарстан
ведущий научный сотрудник ; Лаборатория МГАКФ ФИЦ КазНЦ РАН

420111, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Баумана, 20,

✉ Fler.Gilemshin@yandex.ru

Арзамазов Алексей Андреевич

ORCID: 0000-0001-7577-5917

доктор филологических наук

профессор; институт русского языка; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
Заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии; ФИЦ
Казанский научный центр РАН

420111, Россия, респ. Татарстан, г. Казань, Вахитовский р-н, ул. Лобачевского, д. 2/31

✉ arzami@rambler.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77132

EDN:

UQQWEY

Дата направления статьи в редакцию:

05-12-2025

Аннотация: Предметом исследования стали арабоязычное издание «Тысячи и одной ночи» в четырех томах (Бейрут, 2009), татарский перевод данного сборника,

переведенное Фатихом Халиди в шести томах (Казань, 1897–1899), текст произведения «Тысяча и одна ночь» на староосманском языке, в переводе Ахмеда Назифа (Стамбул, 1851, шесть томов; 1870, четыре тома) и русского перевода М.А. Салье в восьми томах (Москва, 1996). Дополнительно, для подтверждения гипотезы о типичности выявленных трансформаций, мы рассмотрели примеры из других произведений, таких как «Калила и Димна», «Тутыйнаме», «Кырык вәэзир китабы» и «Абугалисина». Исследование направлено на выявление конкретных приемов адаптации (например, замены реалий, изменения сравнений, трансформации описаний) и определение их роли в передаче культурного кода и художественного смысла оригинала в новой языковой и культурной среде. Теоретическую основу исследования составляют труды исследователей, в которых раскрываются: лексико-семантические и морфологические аспекты татарского языка; теория перевода, в частности, классификация семантических соответствий, которая используется для анализа лексических трансформаций; принципы лингвокультурологии и теории межкультурной коммуникации. Методологической основой является детальное сравнение оригиналов и татарских переводов для выявления специфических трансформаций. Научная новизна статьи заключается в комплексном анализе лингвокультурных трансформаций при переводе восточных текстов (кысса) на татарский язык. Впервые выявлены специфические переводческие стратегии татарских просветителей, включая семантические адаптации, модификацию образов, использование османско-турецких версий как основного источника, а не арабских оригиналов, сознательное сокращение или расширение текстов для усиления дидактичности и культурной близости. В результате исследования установлено, что переводчики не просто механически переводили тексты, а творчески переосмысливали их, формируя новые литературные традиции и обогащая татарский язык. Данные трансформации не только обогатили татарскую литературу новыми сюжетами, а язык – новыми стилистическими приемами и лексическими единицами, но и способствовали формированию новых языковых традиций. Направленность и характер этих изменений были обусловлены как объективными потребностями и возможностями языка соответствующего периода, так и спецификой мировосприятия, и культурными ожиданиями татарской аудитории.

Ключевые слова:

Художественный перевод, татарский язык, эквивалентность, художественное произведение, лингвокультура, художественный прием, адекватность перевода, арабский оригинал, турецкий перевод, восточный менталитет

Перевод рассматривается нами как создание нового текста, эквивалентного оригиналу по содержанию и стилю, но адаптированного к нормам языка-реципиента. Качество перевода во многом зависит от психологической и ценностной ориентации переводчика, чья главная задача – достижение адекватности перевода. В старотатарском литературном языке, изобиловавшем арабо-персидскими и турецкими заимствованиями, переводчики нередко использовали эти лексемы без изменений, поскольку их семантика была понятна носителям языка.

Такая картина наблюдается и в татарском переводе произведения «Тысяча и одна ночь». Нередко автор пытается приблизить содержание кысса к реалиям татарского мира при помощи замены некоторых деталей. Это наглядно можно встретить в «Сказке о купце и душе». Например, в арабском оригинале старец рассказывает свою историю джину:

اعلم يا ايتها العفريت أن هذه الغرالة هي بنت عمي ومن لحمي ودمي وكانت تزوجت بها وهي صغيرة السن وأقامت معها نحو ثلاثة سنّة فلم أرزق منها بولد فأخذت لي سرية فرزقت منها بولد ذكر كأنه البدر إذا بدا عينين مليحتين وحاجبين مزججين وأعضاء كاملة فكبير شيئاً إلى أن صار ابن خمس عشرة سنّة فطرأت لي سفرة إلى بعض المدن فسافرت بمتجز عظيم وكانت بنت عمي هذه الغرالة تعلمت السحر والكهانة من صغرها فسحرت ذلك الولد [\[51\]](#) عجلاً وسحرت الجارية أمه بقرة وسلمتها إلى الراعي [\[13\]](#).

'Знай, о ифрит, — сказал тогда старец, — что эта газель — дочь моего дяди и как бы моя плоть и кровь. Я женился на ней, когда она была совсем юной, и прожил с нею около тридцати лет, но не имел от нее ребенка; и тогда я взял наложницу, и она наделила меня сыном, подобным луне в полнолуние, и глаза и брови его были совершенны по красоте! Он вырос, и стал большим, и достиг пятнадцати лет; и тогда мне пришлось поехать в какой-то город, и я отправился с разным товаром. А дочь моего дяди, эта газель, с малых лет научилась колдовству и волхвованию, и она превратила мальчика в теленка, а ту невольницу, мать его, в корову и передала их пастуху'[\[6, с. 28\]](#).

Сравнение отрывка из арабского оригинала с русским переводом показывает, что перевод М. Салье достаточно точно передает смысл данного отрывка оригинала. Однако при сопоставлении турецкого текста с арабским оригиналом, на первый взгляд, кажется, что турецкий перевод идентичен оригиналу, но при внимательном сравнении выявляется, что турецкий переводчик акцентирует внимание на бесплодии супруги рассказчика и пропускает описание внешних данных ребенка: *افندم المده اولان اوшибو كيك بنم* *عمم قزى اولوب كچك ايكن بكا تزویج ایتمشلر ایدی بونیجه سنین بینمزده معامله زوجیت اولمش ایسه ده عقمه* *اولمق حسپیله اولادی اولمیرغندن بر جاریه اشترا واستفراش ایلدم و اندن بر اوغلام دنیایه کلدى اوغلام اون بش* *ياشنه وارمقده ایکان لاجل التجاره بnde كر طشره يه عاظم اولدیغمدہ اوшибو زوجه مر اوغلام ایله جاریه می چکا* *میوب زیاده سیله سحابه اولدیغندن سحر ایله اوغلامی بوزاغو صوره تنه جاریه می اینک صوره تنه تحويل ایدوب* [\[71\]](#) *چوپانمزه تسلیم ایتمش* [\[c. 12\]](#).

Efendem elemde ulan išbu kijek benim amym qyzy ulub kücek iken bana tezvic itmeşler ide bu niče sinin bejnemezde muamele zevcijet ulmyš ise de ğaqamije ulmaq xesabijla evlade ulmadıdan bir carije iştire ve istifraş ejledem ve andan bir oğlum dunjaje geldi oğlum unbiş jeşene varmaqda iken liecli et-ticere bendeniz taşraja ğazim ulduğumda išbu zevcem oğlum ile carijeme čakamejub zijedesile saxxara uldyğyndan sixer ile oğlumu buzağı suretine carijeme inek suretine texvil idüb čubanymyza teslim itmeş. '... мой господин, эта дичь, которую я привел, является дочерью моего дяди и в очень юном возрасте её выдали за меня замуж; мы в браке прожили много лет, из-за её бесплодия, детей у нас не было, и я купил себе наложницу; от неё родился у меня сын. Когда сын достиг пятнадцати лет, я из-за торговли вынужден был уехать. Моя жена не любила моего сына и наложницу, сверх того, будучи колдуньей, при помощи колдовства, она превратила сына в теленка, а наложницу в корову, и передала их в руки нашего пастуха' (перевод наш).

Акцентирование внимания на бесплодии супруги старца – рассказчика, по нашему мнению, вызвано попыткой оправдания покупки рабыни, т.е. супруг вынужден был пойти на этот шаг в целях иметь наследника.

Татарский перевод в основном соответствует турецкому варианту текста: *qart äjtäder äfändem qulymdağı kijek bänem ġatym qyzy ulyb jäš waqytدا bäge nikax ideb wirmeşlär ide, ničä jyllar bergä irle xatynly bulyb torsaq da, balalarymyz bulmağanlyqdan, ber carijä satyb aldym, andan ber ugyl dönjağa kileb unbiş jäşenä kerdekda bän säwdä öcen čit şähärgä kitdem, bu xatynym carijä berlän uglymny ber jaratmajynča, bik säxirä ukdyğynnан sixer ilän uglymny bozaw surätenä carijämne käcä surätenä qujmyšda, kötüçemezneñ älenä*

tabšyryb [8, с. 12] 'Старик говорит: 'Мой господин, эта дичь, которую я привел, является дочерью моего дяди и в очень юной она стала моей женой; несмотря на то, что мы в браке прожили много лет, детей у нас не было; и я купил себе наложницу, она родила мне сына. Когда сын достиг пятнадцати лет, я поехал в другой город заниматься торговлей. Моя жена была колдуньей и не любила моего сына и наложницу; она превратила сына в теленка, а наложницу в козу и передал их в руки нашего пастуха' (перевод наш).

Как мы видим, творческий «трансформирующий» подход татарского переводчика в данном случае проявлен в виде замены детали. В арабском и турецком вариантах рассказывается о том, что злая жена-колдунья купца превращает его рабыню и сына в корову и теленка, а Фатих Халиди в татарском варианте по неизвестным причинам корову заменил на козу. Возможно, такой подход был обусловлен тем, что в сказках, которые были известны татарскому народу, превращение кого-либо с помощью колдовства в козу было довольно распространенным сюжетом.

Ситуация замены детали прослеживается и у других авторов. В переводе произведения «Калила и Димна», выполненного Г. Фаизхановым, нами зафиксирована примечательно-пикантная трансформация: если в арабском оригинале обезьяна прищемила бревном свой хвост, то в татарском переводе – хвост заменен на половые органы:

فقام القرد و تكأّل ما ليس من شأنه فركب الخشبة و جعل ظهره قبل الود و وجهه قبل الخشبة فتدلى ذبه في الشقّ و نزع الود فلزم الشقّ عليه فكاد يغشى عليه من الألم [91, с. 69]

'Она забралась на козлов и уселась на бревно, не заметив, что хвост ее попал в щель.

Когда она вытащила клин, то бревно защемило ей хвост и от боли обезьяна потеряла

сознание' [10, с. 84]; *Ul keše ber jaqqa kitkäč tiz ük anyuṇ uryupuna kileb xasijälärenjaryqgasalyndyrybutyrdy*. Alaj-bolaj iteb teše tymağay belän tartyb jaryqğa qalğan čöjne suyrdy. Ul waqyt jaryq jabylyb kitde dä monyuṇ xasijäläre qysylyb qaldy.

Majtun awyrtudanissez bulyb jyğyldy . [11, с. 35] 'Когда тот человек ушел в сторону, (обезьяна) быстро села на его место и её причиндалы попали в щель, она различными способами, зубами и ногтями пыталась извлечь клин из щели. Вдруг щель закрылась и бревно защемило его причиндалы. От боли обезьяна потеряла сознание...' (перевод наш).

В притче про ворона и ядовитую черную гадюку рассказывается о цапле, которая обманывала рыб на озере:

قال ابن آوى: زعموا أن عاجوماً عشش في أحمةٍ كبيرة السمك؛ فعاش بما ما عاش [91, с. 85]

'И шакал начал: «Говорят, что одна цапля поселилась на болоте, где было много рыбы, и спокойно жила там долгое время' [10, с. 99].

В татарском переводе речь идет о чайке: *Ber aqčarlaq ber kül jaqasynda maqam tota ide* [11, с. 47] 'Жила-была некая чайка на берегу озера' (перевод наш).

В этой же притче говорится о том, как ворон украл драгоценное колье у молодой богатой женщины:

فاطلق الغراب محلقاً في السماء فوجد امرأة من بنات العظماء فوق سطح تغسل وقد وضعت ثيابها و حلّيّها ناحية فانقضّ و اخترف من حلّيّها عقداً و طار بها [91, с. 87]

'Пролетая над городом, он увидел на крыше высокого дома молодую женщину, дочь

богатого вельможи, которая мылась, сняв одежды и украшения и отложив их в сторону. Ворон камнем пал на крышу, схватил блестящее драгоценное ожерелье и взлетел' [\[10, с. 101\]](#).

В татарском переводе в этом эпизоде ворон украл сверток с множеством драгоценностей: *Ber baj xatyny ūze suğa kereb cäwähirdän beläzeklären, jözeklären, alqalayn, kül jaqasynda ber jawlyqğa töjnäb qaldyrğan ikän, qarǵa šul töjenne kütäreb oçdy* [\[11, с. 49\]](#) 'Жена богача, когда пошла купаться, завернула свои браслеты, кольца, сережки и другие украшения в платок и оставила на берегу озера. Ворон схватил этот сверток и улетел' (перевод наш).

В арабском оригинале имеет место рассказ об отшельнике, который ищет вора, укравшего его вещи, ставшего свидетелем бойни между двумя баранами:

[91](#) فَمَرَّ فِي طَرِيقِهِ بِعَلِيٍّ يَتَنَاطِحُهُ حَتَّى سَالَتْ دَمَاؤُهُمَا [c. 69\]](#)

'На обочине увидел он двух баранов, которые сшибались рогами и бились так жестоко, что нанесли друг другу глубокие раны' [\[10, с. 95\]](#).

В татарском переводе в этом же рассказе речь идет не о баранах, а о быках:

Menä julda ike ügez ber bere belän oryšyb mögezläre belän sözeşeb či qanǵa töskännär [\[11, с. 45\]](#) 'Вот на дороге два быка бились друг с другом рогами и проливали кровь...' (перевод наш).

«Новаторство» татарских переводчиков наблюдаются и в других аспектах. Хотя эти изменения не касаются лексико-семантического уровня, они демонстрируют адаптацию на содержательном и ментальном уровнях текста оригинала, что прослеживается на таком приеме как *сравнение*. Рассмотрим арабский оригинал сказки «Тысяча и одной ночи»:

قالت: بلغني أربها الملك السعيد، أن السنديbad البحري لما زاد تعجبه من الطائر الذي رأه في الجزيرة تذكر حكاية أخبره بها قديماً أهل السياحة والمسافرون، وهي أن في بعض الجزر طيراً عظيماً يقال له الرخ يزف أولاده بالأفيال فتحققت أن القبة التي رأيتها إنما هي بيضة من بيض الرخ؛ ثم إنني تعجبت من خلق الله تعالى. فبينما أنا على هذه [الحالـة](#) وإذا بذلك الطير نزل على تلك القبة وحضرها بجناحـيه وقد مد رجلـيه من خلفـه على الأرض ونامـ عليها.

[125\]](#)

'... она сказала: 'Дошло до меня, о счастливый царь, что Синдбад-мореход ещё больше удивился птице, увидав ее над островом; и вспомнил одну историю, которую ему давно рассказывали люди, странствующие и путешествующие, а именно: что на неких островах есть огромная птица, называемая Рух, которая кормит своих детей слонами. 'И я убедился, — говорил, — что купол, который я увидел, — яйцо Руха, и принялся удивляться тому, что сотворил Аллах великий. — И в это время птица вдруг опустилась на этот купол, и обняла его крыльями, и вытянула ноги на земле сзади него, и заснула на нем'. [\[13, с. 394\]](#).

Сопоставление арабского оригинала и русского перевода не дает никакого основания выносить какие-либо критические мнения о качестве мастерски выполненного перевода М. Салье.

Турецкий перевод на семантическом уровне почти повторяет арабский оригинал сказок, единственная особенность турецкого текста – птица Рух кормит своих детей детенышами

словов:

پس اول عظیم الجنه مانند کوه اولان مرغ جزیره يه تقرب ایله اول قبه اوزرینه قونوب قنادرلر ایله اورتوب یاندی چون بن من القديم سياح و سفر زمين ايدن ذواندن بر حکایه ايشتمش ايدم شویله کي بعض اطه لرده رخ تامنده بربیوک قوش وار ايدکه یارولری فيل یاوروارابه یورابدی اول حکایه حاطریمه کلوب قبه مذکوره رخ یمورطه سی اولدغنى بیلدوم و اوزرینه قونوب یاتمعله زیادجه تقینم حاصل اولدی دینجه شهرزاد صباح تقرب ایتدیکنی کوروک سکوت

[\[14\]](#) ...[\[50\]](#)

Приведём транскрипцию данного текста: *pes ul azim -l- cessa meninde guh olan mereğ cezireje taqarrub ejle ul qubbe uzerene qunub qanadlar ile uratub jatdy čun ben min -l-qadim sejax ve sefer zemin iden zevetdan bir xikeje išetmeš idem šöile ki bağze atalarda rux namynda bir büyük quš var ideki javruları fil javrularile jururide ul xikaje xatyryma gelib qubbe-i mezkurä rux jumurtasy uldyğyny bildüm ve uzerene qunub jatmağla zijkece tagjynym xasil oldu dejnec Šährezad sabax taqarrub itdegen kürüb sukut ejledi* '...потом птица Рух, имеющая огромное тело, приблизилась к острову, приземлилась на этот купол и, обняв его крыльями, легла на него. Когда-то давно я слышал от путешественников рассказ о том, что на некоторых островах живут огромные птицы по имени Рух, птенцов своих кормят детенышами слонов; вспомнив этот рассказ, я понял, что указанный купол является яйцом Руха. Манера её высиживания дополнительно убедила меня в этом', – сказала Шахрезада, – и увидев, что наступило утро, прекратила свою речь' (перевод наш).

В приведенных выше примерах из арабского и турецкого переводов говорится о том, что слон служит в качестве пищи для птенцов Руха. В татарском переводе лексема фил (кебек) (как) 'слон' используется для выражения размеров птенцов Руха: *şundyj zur qoš taw kebi kileb bu kübbäneq üzrenä qunyb qanatlary ilä uratyb jatdy bän bağze adämlärdän išedeb idem rux digän qoš bar anyq jomyrqadan čyqğanda balasy fil kebi zur ulyr dijeb bu süzlär xäteremgä kileb kübbä bu qoşnuq jomyrqasy ikänen beldem – čönki bu qoš basyb jatuynandan beldem* - Šährezad taŋ jaqyn dijeb süküt äjläde. 'Большая птица, словно гора, прилетела к этому куполу и, обняв его крыльями, легла на него. Я слышал от некоторых людей о том, что существует птица Рух и её птенцы, которые вылупляются из яиц, размером со слона, я вспомнил об этом и понял, что данный купол является яйцом этой птицы – узнал по манере её высиживания. Шахрезада, сказав, что наступило утро, прекратила свою речь' (перевод наш).

В восточной литературе лицо красивой девушки нередко уподобляется луне в четырнадцатую ночь месяца. В татарском тексте переводчик сравнивает прекрасное лицо девушки с луной в пятнадцатую ночь месяца: *bik matur qyz janyna kileb čähräse ajnuq unbişenče kičäse kebi jaltryar ide* [\[8, c. 138\]](#) 'К нему подошла прекрасная девушка, лицо ее блестело как луна в пятнадцатую ночь месяца'.

В турецком варианте:

[\[7\]](#) *بر صاحبة الجمال دختریانمزمہ کلریکہ چهره سی ایک اون دردی کبھی لمعان ایدوب* [\[c. 93\]](#)

bir saxibetu-l cemal duxter janimiza geldeki čehresi ajin undürdi gebi lemğan idüb 'К нам подошла красивая девушка, лицо сияло как луна в четырнадцатую ночь месяца'(перевод наш).

Сравнения арабского и турецкого вариантов сборника сказок «Тысяча и одна ночь» показывают, что турецкий переводчик пытался наиболее полно и точно передать содержание оригинала. Это заметно при исследовательском обращении к разным текстам. Рассмотрим отрывок из арабского оригинала:

و بعد ذلك قمت على حيالي وتمشيت في الجزيرة يميناً وشمالاً وصرت لا أستطيع الجلوس في محل واحد. ثم إنني صعدت على شجرة عالية وصرت أنظر من فوقها يميناً وشمالاً فلم أر غير سماء وماء وأشجار وأطيار وجزر ورمال، ثم حفقت النظر فلاح لي في الجزيرة شيء أبيض عظيم الحلة فنزلت من فوق الشجرة وقصدته وصرت أمشي إلى ناحيتها، ولم أزل سائراً إلى أن وصلت إليه، وإذا به قبة كبيرة بيضاء شاهقة في العلو كبيرة الدائرة فدنوت منها ودررت حولها، فلم أجد لها باباً ولم أحد لي قوة ولا حرفة في الصعود عليها من شدة النعومة فعلمت مكان وقوفي ودرت حول القبة أقيس دائتها فإذا هي خمسون خطوة وافية، فصرت متفكراً في الحيلة الموصولة إلى دخولها.

[\[12\]](#) [\[126\]](#)

'И я поднялся, и стал ходить по острову направо и налево, и не мог уже больше сидеть на одном месте, и затем я влез на высокое дерево и стал смотреть с него направо и налево, — но не видел ничего, кроме неба, воды, деревьев, птиц, островов и песков. И я посмотрел внимательно, и вдруг передо мной блеснуло на острове что-то белое и большое; и тогда я слез с дерева, и отправился к этому предмету, и шел в его сторону до тех пор, пока не дошел до него, и вдруг оказалось, что это — большой белый купол, уходящий ввысь и огромный в окружности. И я подошел к этому куполу и обошел вокруг него, но не нашел в нем дверей и не ощущил в себе силы и проворства, чтобы подняться на него, так как он был очень гладкий и скользкий. И я отметил то место, где я стоял, и обошел вокруг купола, вымеряя его окружность, и вдруг он оказался в пятидесяти полных шагов. И я стал придумывать, как бы мне проникнуть туда'

[\[13, с. 394\]](#)

Турецкий переводчик, стараясь передать в содержании фрагмента перевода арабского оригинала внутренние переживания моряка, расширяет описания душевного состояния героя предложением: ... *tescun gebi cezirede gezerek ğaryzsyz etrafa sapub jurur idem* ... '... как сумасшедший, бродил по острову без цели...':

و شدت قساوتمدن بر يerde تك طورمغه قدرت بولميوب مجنون كبي جزيره ده كزرك غرضسز اطرافه صاپوب يور ايدم
اغاجدن وقوم و طوبرقادان و كوك و دكزدن غيرى بر شئ كورمدم اول وجهاه حركت قسرىه ايله يور ا يكن قارشومه
بر عظيم بياض قبه نمایان اولمغلله صوبه عزیمت و يانه وصول ایدیکمده غایت مرتفع و دوز بر قبه جسمیه کوروب
هر نقدر قپوسنی ارامش ایسه مده بوله میوب اطرافنده طولاشور قالدم و دائرة محیطه سینی اولچوب ايللى خطوه
[\[14\]](#) [\[50\]](#) [\[14\]. قدر اولديغى بولدم.](#)

Приведем транскрипцию данного текста: *ve şiddet qasavetimden bir jirde tik turmağa quđret bulmajub tescun gebi cezirede gezerek ğaryzsyz etrafa sapub jurur idem ağaçdan ve qum ve tupraqdan ve kük ve dinezden ğajre ber şej kurmedem ul vecehile xareket qasrije ile jurer iken qarşyma ber ğazyjm bejaz qubbe nemejan ulmağile subene ğazimet ve janyna vusul itdekemde ğajet murtafiğ ve düz bir qubbe cesime kurub her nikadär qapusyn aramyş isemde bulamujub atrafında tulaşur qaldym ve daire muhiteseni ülčeb ille xatve qader uldyğny buldum.* 'Из-за своего очень сурового положения я не мог находиться на одном месте и, как сумасшедший, бродил по острову без цели и не видел ничего кроме деревьев, песка, почвы, неба и моря. Ходил таким образом, пока не показался передо мной огромный белый купол, и когда я подошел к этому большому строению, увидел очень высокий, ровный, огромный купол. Как бы ни старался найти вход в него, не смог и остался бродить вокруг него. Измерив окружность его, определил, что она составляет в пределах пятидесяти шагов' (перевод наш).

Что касается татарского перевода, то Ф. Халиди мало уделяет внимание психологическому состоянию персонажа, прибегая к сокращению текста, он игнорирует описание размеров купола. В результате татарский вариант данного фрагмента оказался более коротким: *axyg xafamdan ber jirdä tik tora almaj däimän jöreb ber kön qarşymda bik bijek ber aq qubbä kürenen janyna bardym šul qadär qapusyn ezlädem tabmaj atrafyndan*

qarab jördem [15, с. 80] 'Из-за страха я не мог находиться на одном месте и постоянно ходил. Однажды увидел перед собой высокий, белый купол, подошел к нему, ходил вокруг, пытаясь найти вход, но не смог' (перевод наш).

Мы выше уже отметили, что для перевода Ф. Халиди характерны сухость языка, скучность описания. Переводчик большое внимание уделяет действиям, при этом игнорирует описательные стратегии, разнообразные приемы визуализации.

Сокращение текста и уход от подробного изложения текста источника наблюдается и в других сказках татарского перевода сборника «Тысяча и одна ночь». Например, в арабском оригинале, в сказке о Синдбаде-мореходе есть такой отрывок:

ولم نزل سائرين إلى أن أتيانا بستانًا في جزيرة عظيمة مليحة وفيها شجر الكافور وكل شجرة منها يستظل تحتها
مائة إنسان، وإذا أراد أحد ينقب من أعلى الشجرة ثقباً بشيء طويل ويتلقي ما ينزل منه فيسيل منه
[\[12\]](#) ماء الكافور ويعقد مثل الشمع وهو عسل ذلك الشجر ورعد ذلك تبيس الشجرة وتتصير حطأ [13, с. 130].

'И мы шли до тех пор, пока не пришли в сад на большом и прекрасном острове, и в саду росли камфарные деревья, под каждым из которых могли найти тень сто человек. А когда кто-нибудь хочет добыть камфоры, он сверлит на верхушке дерева дырку чем-нибудь длинным и собирает то, что из нее течет, и льется из нее камфарная вода и густеет, как клей, — это и есть сок камфорного дерева. И после этого дерево засыхает и идет на дрова' [13, с. 402].

Несомненно, русский перевод М. Салье адекватно передает содержание арабского оригинала. Турецкий переводчик также стремился довести до читателя содержание оригинала, однако в нем прослеживается скучность описаний:

اول باعچه ده کافورا گاچنى کوردم هر بر اغاچ يوز كشى كولكە سنه او توره بيلورو کافوري المق استدكلرنده اغاجى
[\[14\]](#) دلرلر ايپش دلنديكده اندن بر صو اقوب بعده طونوب کافورا لور و صمع كېي اعقاد ايدر لكن اغاچ قورر كيدر [53].

Транскрипция данного текста: *ul bağçada kefur ağaçun gördüm her bir ağaç jüz keşे külegesene utyra bilur ve kefury almaq istediklerinde ağaçy delerler emiš delendekde andan bir su aqub beğde tunub kefur ulur ve samuğ kеби inğıqad ider lekin ağaç qurur kider.* 'Я видел в том саду камфорное дерево, в тени каждого дерева могут поместиться сто человек; если захотят добыть камфору, сверлят его и из отверстия вытекает жидкость, которая застывает и превращается в камфору и, как клей, густеет, но дерево погибает' (перевод наш).

Татарский перевод данного фрагмента характеризуется чрезмерной краткостью и недосказанностью. Ф. Халиди не счёл нужным донести до читателя информацию о способе добычи камфоры и о дальнейшей судьбе дерева: *Ul baqçada käfur ağaçy kürdem här ber ağaçunuñ külägäsendä jöz keşе utyryrlıq ide häm bu baqçada änwağı xajwanlar kürdem*. [15, с. 82] 'Я видел в том саду камфорное дерево, в тени каждого дерева могут поместиться сто человек, также в этом саду видел различных животных...' (перевод наш).

Сокращение текста и уход от подробного изложения текста источника характерны и для других исследуемых произведений.

Однако наличие подобных кратких версий татарских переводов встречается далеко не всегда. Обычно объем татарских текстов больше, чем оригиналы произведений. То есть полноценно утверждать о том, что переводы ориентированы на сокращение текста

оригинала или турецкого варианта не совсем правильно. Например, в «Абугалисина» К. Насыри мы, напротив, наблюдаем расширение текста: в турецком тексте: *Bir qač gün bir küşede aram ve teneffus idub bir gün tamaşaji küče ve bazar idereken july čerševi xelve frušene ... irde* [17, с. 22] 'Несколько дней он отдохнул 'успокоился и отышался. Однажды, когда он вышел прогуливался по улицам и базарам, дорога привела его к палатке продавцов сладостями...' (перевод наш).

В татарском переводе: *Berničä kön ber jirdä qarar ideb saçyny kitäreb saqal wä tyrnaqlaryn kiseb adäm syjfatyna kerde, čönki ber jyl mägarädä jatyb, göli biabanğa biñzäleš, jägni biğajnihi urmandağı şüräle kebek bulğan ide. Ber kön käseb hawa öčen tamaşa qylyb bazarlarda wä uramlarda gizeb jörgändä july xälwäfuruşlär jägni xälwä satuçylar uramyna turǵy kilde* [17, с. 24] 'На несколько дней он решил сделать привал, привести себя в человеческий вид: поднял волосы, постриг бороду и ногти, т.к. прожив целый год в пещере, они походили на степных привидений, то есть на шурале. Однажды, когда он вышел подышать воздухом и прогуливался по базарам и улицам, дорога привела его на улицу продавцов сладостями...' (перевод наш).

Такой прием присущ и другим авторам. То есть в произведениях мы наблюдаем как сокращение, так и расширение текстов, в том числе полное соответствие оригиналу, на чем остановимся более подробно.

Авторы-переводчики подходят весьма оригинально к передаче содержания текстов оригинала. Заметен авторский подход к переводу, они переосмысливают тексты исходя из потребностей читателей. Большинство рассказов интерпретируемых произведений полноценно передают содержание как арабского оригинала (в случае «Тысячи и одной ночи»), так и турецких вариантов. Приведем фрагмент из арабского оригинала, где речь идет о попытке Синдбада покинуть необитаемый остров:

فَعِنْدَ ذَلِكَ فَكَثُتْ عَمَامَتِي مِنْ فَوْقِ رَأْسِي وَثَبَّتْهَا حَتَّى صَارَتْ مِثْلَ الْجَبَلِ وَحَزَّمْتَ بَعْهَا وَشَدَّتْ وَسْطَيْ
وَرَبَطَتْ نَفْسِي فِي رَجْلِي ذَلِكَ الطَّبِيرِ وَشَدَّتْهَا شَدَّاً وَثِيقَّاً وَقَلَّتْ فِي نَفْسِي لَعْلَ هَذَا يُوصَلِنِي إِلَى بَلَادِ الْمَدَنِ وَالْعَمَارِ
وَيُكَوِّنَ ذَلِكَ أَحْسَنَ مِنْ جَلْوَسِي فِي هَذِهِ الْجَزِيرَةِ [16]

'... и тогда я поднялся и, развязав свой тюрбан, снял его с головы, и складывал его, и свивал, пока он не сделался подобен веревке, а потом я повязался им и, обвязав его вокруг пояса, привязал себя к ногам этой птицы и крепко затянул узел, говоря себе: 'Может быть, эта птица перенесет меня в страны с городами и населением. Это будет лучше, чем сидеть здесь, на этом острове' [13, с. 394].

Сравнение фрагмента турецкого перевода с текстом оригинала показывает, что переводчику удалось полностью передать содержание отрывка из арабского оригинала:

چَنْ بَنْ مَرْغُ مَذْكُورُ رَخْ اولْدِيغَنِي تِيقَنَ اِيتَمْ وَبَنْ بَوْ اَطَهْ دَنْ خَلَاصْ وَنَجَاتَمْ اِنْجَقْ بَوْ قَوْشَكْ وَاسْطَهْ سِيلَهْ اَولَهْ بِيلُورْ وَالْامْطَلْقَاسِنِي كَمِيسَهْ بُونَدْ قُورْتَارْمَزِيَّوْبْ وَصَارِغَمَى چِيَقاَرَوْبْ اِيَّبْ كَبِيْ بُوكَدَمْ بَعْدَ بَلَمَهْ اوْجِيَاهْ كَوْزَلَجَهْ باَغْلِيَوبْ وَدِيكَراَوْجِيْ قَوْشَكْ اِيَاغَنَهْ بَنْدَادِيَّوْبْ تَحْتَنِهِ يَانَدَمْ وَبَهْرَ حَالْ بَوْ قَوْشْ بَنَى اِشْبَوْ خَرَابْ اَطَهْ دَنْ چِيَقاَرَوْبْ مَعْمُورَ يَرَهْ كِيَنْرُورُوبْ كِيَفِيتْ بُورَادَهْ اِقامَتَمَدَنْ كَوْزَلَدَرْ [14]

Приведём транскрипцию данного текста: *čun ben mereğ mezkur rux uldyğın tejqyn itdem ve ben bu atadan xalas ve necatym ancaq bu quşun vasitasi ile ula bilur -l-imtileqasyny kimise bundan qurtarmaz dijub ve sarygymy čiçarub jib kebi bukdım beğde belme uču ile guzelce bağlajub ve diger uču quşun ajağyna bendejdub taxtında jatdim ve bipherxel bu quş beni išbu xarab adadan čiçarub meğmur jire kiterur ve bu kefijet burada iqametden güzeldür.* 'Когда я убедился в том, что эта птица – птица Рух, и подумал о том, что мое спасение из

этого острова можно осуществить только при помощи этой птицы, я развязал свою чалму, свил её как веревку, один конец привязал к своему поясу, другой – к ноге птицы, и лег возле неё, в любом случае, эта птица унесёт меня из этого заброшенного острова на населенную людьми землю, это будет лучше, чем оставаться здесь' (перевод наш).

Сопоставление татарского и турецкого переводов дает нам основание утверждать, что татарский переводчик опирался на турецкий текст: *bägdä bän bu qoşnuq rux qoşy ideken beldem başymdağı čalmany alyb išeb ber başyn bilemgä bağlab ber başyn qoşnuq ajağyna bağladym da qoşnuq kütärelgänen köteb jatdym čönki niček bulsa da qoş bane bu xarab cäzirädän qotqaryb ber jaxşy cäzirägä atar dijeb tordym* [\[15, с. 80\]](#). 'Потом я узнал о том, что эта птица – птица Рух. И, развязав свою чалму, свил её, и один конец привязал к своему поясу, другой – к ноге птицы, лег и стал ждать её вылета, так как надеялся на то, что эта птица как-нибудь унесёт меня из этого заброшенного острова на более лучший остров' (перевод наш).

Сравнение татарского и турецкого текстов показывает, что Ф. Халиди в своем переводе очень точно воспроизвел нюансы турецкого текста, смог достоверно передать эмоциональный фон и семантический контекст турецкого перевода: *könlärdä ber kön mälük xozurynda utırğan waqytta bäña äjtde äj Sindbad bezlär sine küb mäxäbbät ideb gyuzzät wä hörmät äjlädem – imde sine şähäreñä jibärergä bezneq täqatemez juqdyr bänem siña äjtäse süzem bar ägär qabul idär isän died – bän äjtädem äj gyuzzätle şahymyz nä färmən bulsa seznekeder bän sezneq qoluyuzmyn didekemdä mälük äjtde äj Sindbad bänem muradym şuldyr bänem ber matur güzäl bækirä qyzym bar şuny siña bireb sin bezdä qalyb häm siña ber uryn täğajen idäsem kiläder dide* [\[15, с. 91\]](#) 'Однажды, когда я сидел у царя, он сказал: 'Синдбад, мы тебя очень любим, дорожим и уважаем; нет у нас сил, чтобы тебя отпустить в свой город. У меня есть к тебе разговор, если ты не будешь против?' – Я сказал: 'О, уважаемый мой царь, что скажете, то и будет, я ваш раб! '... Царь сказал: 'Синдбад, моя цель такая: у меня есть прекрасная, целомудренная дочь, я хочу её выдать за тебя замуж, оставить тебя здесь и назначить тебя на должность' (перевод наш).

Подтверждение того, что авторы часто буквально воспринимали оригинал, можно найти в большом количестве и в других произведениях, например, в «Тутыйнамэ»: *Tuti ejtde: zaman euvelde dijer Hindde bir bazarken var ide* [\[19, с. 12\]](#) 'Попугай сказал: в древние времена в Индии жил-был некий купец...' (перевод наш). Татарский аналог: *Tutuj äjtde: äwälge zamanda Hind jortynda ber säwdägär bar ide* [\[20, с. 10\]](#) 'Попугай сказал: в древние времена в Индии жил-был некий купец...' (перевод наш).

Atrafynda dexi čuq şeherler ve biled ve der ve dijer var ide [\[19, с. 3\]](#) 'Вокруг него было построено много городов, поселков и домов'. Татарский перевод полностью повторяет турецкий оригинал: *Wä atrafynda küb awyllar wä şähärlär tözelmeş ide* [\[20, с. 2\]](#) 'Вокруг него было построено много деревень и городов' (перевод наш) и др.

При сравнении татарского и турецкого текстов «Кырык вәзир китабы» также наблюдается следование татарского переводчика турецкому оригиналу, например: *Mehmüdeñ xas Ijes natynda ber süekle xezmetkere var ide* [\[21, с. 1\]](#) 'У Махмуда был особый, любимый слуга по имени Ияс' (перевод наш).

Татарский перевод полностью соответствует турецкому тексту: *Soltan Mäxmüdneñ Ijäs isemle ber süekle xas xezmätçese bar ide* [\[23, с. 2\]](#) 'У султана Махмуда был особый, любимый слуга по имени Ияс'; *Sin däxi adämlärne künder ki, şäjxe totsynlar dide* [\[21, с. 16\]](#) 'Сказал, ты снова отправь людей, пусть схватят шейха'; *Sin şul waqytta adämlär künder,*

şäjxne totsynlar dide [23, с. 11] 'Сказал, ты в то время отправь людей, пусть схватят шейха' (перевод наш).

Приведем примеры из «Кырык вәзир кыйссасы»: в турецком варианте: *Vezir ejder Hindstanda ber xuca var ide, ve anyη ber cemile xatuny var ide* [21, с. 22] 'Визирь говорит: в Индии жил-был некий богач, у него была красивая жена...' (перевод наш). Татарский текст соответствует оригиналу: *Vezir äjtde Hindstanda ber xuca bar ide, anyη ber güzäl xatuny bar ide* [23, с. 14] 'Визирь говорит: в Индии жил-был некий богач, у него была красивая жена...' (перевод наш) и др.

В турецком тексте: *Gylme simija quete ile Äbuğalisina Nilden Misra čyqdy* [17, с. 10] 'С помощью силы магии Абу Али Сина вышел из Нила в Египет' (перевод наш). В татарском переводе: *Äbuğalisina simija quäte belän Nil därjasyndan Misyrşähärenä čyqdy* [18, с. 8] 'С помощью силы магии Абу Али Сина вышел из Нила в Египет' (перевод наш).

Нередко авторы исследуемых произведений прибегают к приему лексической замены, это происходит преимущественно в тех случаях, когда обозначаемые реалии либо отсутствуют в татарском языковом пространстве, либо характеризуются пассивным характером употребления. В подобной ситуации переводчики актуализируют наиболее релевантные и приближенные к восприятию татарского читателя языковые эквиваленты или синонимичные конструкции.

В качестве иллюстрации данного тезиса целесообразно обратиться к примерам из произведения «Кырык вәзир китабы»: *Äj şah, bu uğlan kälb čuqur kebider* [21, с. 17] 'Эй, правитель, этот пацан похож на бешенную собаку' (перевод наш). В татарском варианте наблюдается замена исходного словосочетания *kälb čuqur* на устойчивое выражение *qotyrğan et*: *Äj padişah, bu uğlan qotyrğan et kebider* [24, с. 11] 'Эй, правитель, этот пацан похож на бешенную собаку' (перевод наш).

Xatun äjde, šu ile rivajet iderler ki, cihan sarajynda ber ulu ämir var ide [21, с. 17] 'Женщина говорит: повествуют так, в мире жил-был крупный правитель...' (перевод наш).

В переводе титул әмир, обладавший низкой частотностью в старотатарском языке, замещается более употребительным в исторических и фольклорных памятниках персизмом падишаһ: *Xatyn äjtde, äjtälär, cihan sarajynda ber oluğ padişah bar ide* [24, с. 12] 'Женщина говорит: повествуют, что в мире жил-был крупный царь...' (перевод наш), что отражает стремление автора выбрать вариант, максимально соответствующий языковой картине мира татарского читателя.

Аналогичная трансформация представлена в следующем контексте: *Ul tämläkätä şahzadä ädäb säbäbe ilä ana wä ata wä ostaz tärbijäse bäräkäte ilä şah ulyd* [21, с. 20] 'Принц, из-за своей культурности и результата воспитания родителей и учителей, стал правителем того царства' (перевод наш). Лексема шаһзадә ('принц') заменяется описательным и семантически более прозрачным для татарского языка выражением падишаһ улы ('сын падишаха'): *Ul tämläkätä šul kilgän padişah ugly ädäb säbäble ata-anan, ostaz tärbijäse bäräkätendä ğadel padişah buldy* [24, с. 14] 'Приезжий сын царя, благодаря своей культурности и результату воспитания родителей и учителей стал справедливым правителем того царства' (перевод наш).

Показателен также пример нейтрализации суфийской коннотации: *Cafany čikmäjän ğaşıq*

safanyu qaderen belmäs [21, с. 18] ‘Влюбленный, не переживший трудностей, не оценит удовольствие’; в татарском переводе автор заменяет специфическую лексему гашыйк ('влюбленный', 'приверженец'), ассоциирующуюся с суфийской терминологией, на общеупотребительное и обобщающее понятие адәм ('человек'): *Cafany čikmägän adäm safanyu qaderen belmäz* [24, с. 18] ‘Человек, не переживший трудностей, не оценит удовольствие’ (перевод наш).

Еще один случай демонстрирует выбор более естественного для татарского синтаксиса выражения: *Ve bir qač dexi ḡaqyl kemseler cemiğ ejledi* [21, с. 90] ‘Собрал также несколько ученых ...’. В переводе используется иная, но равноценная конструкция: *däxi ḡaqyl ijäsendän bermičä keşene sujyb* [24, с. 54] ‘Собрал также несколько ученых ...’ (перевод наш).

Для каждого исследуемого кынса можно привести множество аналогичных примеров, где лексико-семантическая трансформация выполняет важнейшую функцию адаптации текста для татарского читателя.

Таким образом рассмотрение наиболее распространенных в изучаемых произведениях вне- и внутриязыковых трансформаций, в первую очередь лексико-семантического и смыслового характера, позволяет прийти к следующему выводу. Данные трансформации не только обогатили татарскую литературу новыми сюжетами, а язык — новыми стилистическими приемами и лексическими единицами, но и способствовали формированию новых языковых традиций. Направленность и характер этих изменений были обусловлены как объективными потребностями и возможностями языка соответствующего периода, так и спецификой мировосприятия, и культурными ожиданиями татарской аудитории.

Изучение универсальных для всего корпуса текстов особенностей переводческой стратегии приводит к заключению, что авторам-переводчикам удалось достичь сложного баланса: передать восточный колорит и литературные традиции оригиналов, сохранив при этом их структурную основу; усилить назидательно-дидактический компонент путем введения коранических хадисов и комментариев религиозно-нравственного характера; а также донести эстетическую и смысловую насыщенность кынса через синтез средств старотатарского литературного языка и народно-разговорного стиля. Именно этот синтез и предопределил широкую популярность и долговечность данных произведений в татарской читательской среде на протяжении целого исторического периода.

Библиография

1. Эхмәтьянов, Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. I том (А-Л). – Казан: Мәгариф – Вакыт, 2015.
2. Галиуллина, Г. Р. Современная татарская разговорная речь: идентификационные признаки и социальная дифференциация / Г. Р. Галиуллина, Э. Х. Кадирова, Г. К. Хадиева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020.
3. Ганиев, Ф. А. Избранные статьи / Ф. А. Ганиев. – Казань: Паравитта, 2010.
4. Бархударов, Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М.: Междунар. отношения, 1975.
5. ٢٠٠٩. المكتبة الأولى. دار ليلة و ليلة. المجلد الأول. = Тысяча и одна ночь. 1 т. – Бейрут: Дарул-мактабатил-хилал, 2009.
6. Тысяча и одна ночь. Собрание сказок: в 8 т. Т. 1. / пер. и комм. М. Салье. – М: Терра,

1996.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами Национального Института Научного Рецензирования по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Лингвокультурные преобразования при переводе текстов кысса на татарский язык», представленной для публикации в журнале «Филология: научные исследования», содержится материал по языковым особенностям, обнаруживаемым при переводе на татарский язык произведений жанра кысса, созданных на основе сюжетов арабской и персидской культуры.

Вместе с тем, что работа очень интересна в содержательном плане, она не оригинальна: текст статьи является выдержкой из диссертации «Эволюция языка кысса в системе татарского литературного языка во второй половине XIX – начале XX века», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук в Казани в 2022 году (место защиты: ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»). Текст диссертации размещен на сайте Академии наук Республики Татарстан по адресу <https://www.antat.ru/ru/activity/dissertations/soviet/dokumenty-doktorskaya/%D0%93%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D1%88%D0%B8%D0%BD%D20%D0%A4.%D0%A4/%D0%93%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D1%88%D0%B8%D0%BD%D20%D0%A4.%D0%A4.%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81-10-02.pdf>

Текст слово в слово совпадает с отрывками из диссертации, а именно является подборкой нескольких фрагментов из параграфа 2.4. «Трансформации при переводе текстов кысса на татарский язык»: 1) со слов «автор пытается приблизить содержание кысса к реалиям татарского мира при помощи замены некоторых деталей» на с. 155 диссертации до предложения «Шахрезада, сказав, что наступило утро, прекратила свою речь» на с. 161; 2) со слов «В восточной литературе лицо красивой девушки нередко уподобляется луне в четырнадцатую ночь месяца.» на с. 162 до слов «Сокращение текста и уход от подробного изложения текста источника характерно и для других изучаемых произведений» на с. 165; 3) со слов «Однако наличие подобных кратких версий татарских переводов встречается далеко не всегда» на с. 166 до слов «Вокруг него было построено много деревень и городов» на с. 169; 4) со слов «При сравнении татарского и турецкого текстов «Кырык вәзир китабы»...» на с. 170 до слов «С помощью силы магии Абу Али Сина вышел из Нила в Египет» на с. 171.

Далее идет перефразирование абзаца, начинающегося со слов «Нередко авторы исследуемых произведений прибегают к приему лексической замены,...», что соответствует тексту со с. 173 диссертации.

Выводы также полностью идентичны с представленными на с. 175 диссертации.

Поскольку работа является выдержкой из диссертации, замечание о том, что «Мы выше уже отметили, что для перевода Ф. Халиди характерны сухость языка, скучность описания» не находит подтверждения в тексте статьи, хотя находит обоснование на с. 145 вышеназванной диссертации: «Также в татарском переводе Ф. Халиди имеются и отличия от турецкого перевода, в частности язык татарского перевода выделяется своей лаконичностью и 'сухостью', скучностью описаниям» (с. 145).

Таким образом, представленная статья не соответствует требованиям издательства в части написания статей: «Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, опубликовавшиеся ранее в других изданиях», поэтому не может

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами Национального Института Научного

[Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена многоаспектному анализу лингвокультурных преобразований, наблюдаемых при переводе текстов жанра кысса на татарский язык. Предмет исследования очерчен чётко и логично: автор рассматривает перевод как процесс создания нового текста, который должен быть содержательно и стилемо эквивалентен оригиналу, но адаптирован к нормам и культурным ожиданиям аудитории языка-реципиента. Выбор объекта — татарские переводы арабских и турецких классических памятников (включая «Тысячу и одну ночь», «Калилу и Димну», «Кырык вәэзир китабы», «Тутыйнамә», «Абугалисину») — выглядит чрезвычайно удачным, поскольку позволяет выявить закономерности трансформаций, отражающие не только переводческие стратегии, но и процессы становления старотатарской письменной традиции и её культурной самоидентификации.

Методология исследования опирается на комплексный сопоставительный анализ: автор привлекает арабские оригиналы, турецкие версии и татарские переводы, выявляя расхождения на лексико-семантическом, стилистическом, прагматическом и содержательном уровнях. Такой подход позволяет не ограничиваться поверхностным сравнением, а раскрыть мотивы переводческих решений, связанные с культурным кодом татарской аудитории. Особое значение имеет анализ трансформаций — замены деталей, опущения, добавления, смыслового перераспределения, адаптации реалий, а также интерпретационных дополнений. Выбор иллюстративного материала отличается широтой и репрезентативностью: автор анализирует десятки примеров, что обеспечивает убедительность выводов и высокую степень аргументированности.

Актуальность статьи обусловлена несколькими факторами. Во-первых, изучение восточных традиций повествования и их рецепции в тюркских культурах представляет значительный интерес для исторической лингвистики, переводоведения и текстологии. Во-вторых, вопросы взаимодействия арабской, персидской, османской и татарской литературных традиций сегодня находятся в центре внимания исследователей, поскольку отсылают к более широкому контексту формирования культурной идентичности средневекового и раннего нового периода. В-третьих, выявление механизмов адаптации текста к культурным потребностям читателя позволяет объяснить жанровую эволюцию кысса и её длительную популярность в татарской книжной культуре.

Научная новизна исследования проявляется в попытке систематизировать устойчивые переводческие стратегии, применяемые в татарских версиях знаменитых восточных памятников. Автор показывает, что татарские переводчики ориентировались как на турецкие образцы, так и на собственные представления о приемлемости содержания. Новизна особенно заметна в анализе нестандартных трансформаций: замена коровы на козу; замена обезьяньего хвоста на «причиндалы», что создаёт пикантный эффект; замена цапли на чайку; преобразование отдельных деталей сюжета (ворон крадёт не ожерелье, а целый свёрток драгоценностей). Автор убедительно демонстрирует, что такие изменения обусловлены не ошибками перевода, а попыткой адаптировать текст к татарской культурной традиции и читательским ожиданиям.

Стиль и структура статьи выдержаны в научном академическом формате. Текст логически последователен и богато иллюстрирован примерами, которые не выглядят случайными, а встроены в общую систему аргументации. Обширный корпус цитат на арабском, османском, татарском и русском языках демонстрирует профессиональное владение материалом. При этом статья остаётся доступной благодаря авторским

пояснениям. Единственный элемент, который мог бы улучшить читабельность текста, — это введение обобщающих таблиц или схем, позволяющих систематизировать основные типы трансформаций.

Библиография отличается широтой и включает лексикографические, историко-лингвистические, текстологические и переводоведческие источники, а также оригинальные тексты и их версии. Это создаёт прочную научную основу исследования и демонстрирует серьёзную работу автора с первоисточниками. Привлечение арабских и турецких изданий XIX–XX вв. делает работу особо значимой для исследователей восточных рукописей и переводных традиций.

Апелляция к оппонентам выражена не в прямой полемике, а в последовательном сопоставлении переводческих стратегий, отражающих разные культурные установки. Автор демонстрирует, что татарские переводчики балансировали между буквальностью и адаптацией, стремясь сохранить структуру и сюжет, но при этом трансформировать текст в соответствии с культурными матрицами татарского мира.

Выводы статьи содержательны и хорошо обоснованы: переводчики формировали своеобразный «татарский взгляд» на восточные сюжеты, адаптируя текст как в направлении упрощения (сокращения, опущения), так и в направлении расширения (описательные дополнения, комментарии, религиозно-нравственные вставки). Эти изменения оказали влияние на развитие татарского литературного языка, включая появление новых лексем, стилевых приемов и фольклорных мотивов. Статья, несомненно, представляет интерес для лингвистов, текстологов, специалистов по восточным литературам, преподавателей филологических дисциплин, а также для исследователей переводческих традиций Поволжья. Полагаем, что рецензируемую работу можно рекомендовать к публикации в научном журнале без критических замечаний.